Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2026. № 5. С. 65–76
Lomonosov Philology Journal, 2026, no. 5, pp. 65–76

РУСИЗМЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ЭКЗОКУЛЬТУРОЦЕНТРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Е.В. Белоглазова

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия; raemahet@gmail.com

Аннотация: Ксенонимы являются следствием культурной переориентации языка и основным маркером экзокультуроцентрического дискурса. Однако ни отбор опорных элементов референтной культуры, ни способ их вербализации, ни стратегия введения не являются предзаданными. Данная статья посвящена исследованию обозначенных аспектов функционирования элементов экзокультурного контекста на материале русизмов в руссоцентрическом англоязычном дискурсе. Эмпирической базой для исследования послужили два корпуса аутентичных англоязычных описаний России: корпус заголовков книг о России позволяет расширить охват исследования, а корпус текстов травелогов служит для более глубинного анализа руссоцентрического дискурса. Исследование показало, что обеим разновидностям рассматриваемого дискурса свойственна кодовая гибридность вследствие введения экзокультурного контекста (ксенонимов-русизмов). Однако частотность русизмов в контрастных типах текста различается: концентрация маркеров экзокультурного контекста в корпусе заголовков выше почти в 3 раза, а общая доля русизмов в этом типе текстов руссоцентрического дискурса достигает почти 14 % по сравнению с 5 % в корпусе травелогов. Установлено, что в качестве элементов экзокультурного контекста выступают ксенонимы-реалии, антропонимы, топонимы, а также дискурсивные клише, прецедентные тексты, и культуроспецифические метафоры, при этом в травелогах явственно доминируют топонимы и реалии, а в заголовках основные типы ксенонимов представлены более равномерно. Помимо частотности различается также смысловая и функциональная нагрузка ксенонимов в сопоставляемых жанрах. Отмечено, что в выборе способа введения русизма предпочтение в обоих типах материала отдается транслитерации, однако развернутые тексты характеризует большее разнообразие задействованных приемов, стратегически комбинируемых в семантизирующую стратегию.

Ключевые слова: руссоцентрический дискурс; ксеноним; русизм; заимствование; внутренний перевод; перевод культуры

Финансирование: Исследование выполнено за счет внутреннего гранта РГПУ им. А.И. Герцена (1ВГ).

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-05-5

© Белоглазова Е.В., 2026

Для цитирования: *Белоглазова Е.В.* Русизмы в англоязычном экзокультуроцентрическом дискурсе // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 5. С. 65–76.

RUSSIANISMS IN THE ENGLISH EXOCULTURE-CENTERED DISCOURSE

Elena V. Beloglazova

Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia;
evbeloglazova@herzen.spb.ru

Abstract: Xenonyms are an essential marker of the exoculture-centred discourse, yet, neither the selection of the referent culture's representatives, nor the mode of their verbalization are predetermined. The present paper focuses on researching the abovementioned aspects of exocultural markers as illustrated by the functioning of Russianisms in the English-language Russia-centred discourse. The empirical basis for the research is comprised by two corpora of authentic English-language texts about Russia: the corpus of book titles serves to widen the scope, while the corpus of travelogues allows for in-depth discourse analysis to supplement the traditional corpus methods. The research showed that both text types are characterized by code hybridity due to the introduction of exocultural substrate markers. While the figures for absolute frequencies are comparable, relative frequency is a contrasting feature: the concentration of xenonyms in titles is nearly threefold against that in travelogues, amounting to almost 14 %. At that the reference culture can be represented by a diverse scope of markers, including anthroponyms, toponyms, xenonymic realia, discursive cliches, culture-specific intertextual references and metaphors. Although all the named types are observed in both types of material, the preferences are markedly different. Apart from frequencies, the functional aspect of xenonyms is also a genre variable: travelogues demonstrate a marked emphasis on toponyms, while book titles employ all types of culturonyms. The preferred technique for introducing the culture markers in both genres is that of transliteration, yet travelogues are characterized by a greater diversity of the techniques employed, combining them in a semanticising strategy.

Keywords: Russia-centred discourse; xenonym; Russianism; loan; internal translation; translation of culture

Funding: This research is supported by the internal grant of the Herzen University (1VG).

For citation: Beloglazova E.V. (2026) Russianisms in the English Exoculture-Centered Discourse. *Lomonosov Philology Journal*, no. 5, pp. 65–76.

1. Введение

Фокус данного исследования — русизмы в английском языке — неоднозначно оценивается как лингвистами, так и языковыми сообществами. С одной стороны, заимствования считаются естествен-

ным следствием языковых контактов, с другой — могут восприниматься негативно, поскольку, как отмечает В.Н. Ярцева [Ярцева 1979: 12], язык — «система систем», где замещение элементов может нарушить целостность структуры. В этом контексте важно уточнить, что объектом настоящего исследования выступает не английский язык в целом, а англоязычный руссоцентрический дискурс, который можно определить как особый функциональный вариант языка, обращенный к внешней для него культуре, служащий для осмысления и описания этой культуры. Т. о., описываемый процесс кодовой гибридизации не угрожает сохранности английского языка, как этого опасаются исследователи [Bailey 1990].

В данной статье мы проанализируем функционирование в исследуемом дискурсе русизмов, являющихся сущностной характеристикой и основным маркером руссоцентрического дискурса, и попытаемся дать ответ на следующие исследовательские вопросы:

- Каким образом формируется репертуар выразительных средств в экзокультуроцентрическом дискурсе?
- Каким образом дискурс способствует не только описанию, но и осмыслению экзокультуры?

2. Теоретический базис

В методологическом отношении исследование опирается на интерлингвокультурологию; в частности, на следующие ее положения:

1) несмотря на тесную связь между языком и культурой, любой язык может быть переориентирован на описание любой культуры [Кабакчи 2005: 165]. Этот тезис В.В. Кабакчи получил верификацию в исследованиях репрезентации русской культуры средствами финского [Осьмак 2025], немецкого [Бутусова 2024] и других языков, а также иноязычных описаний ряда культур Азии [Белоглазова, Сосункевич 2025; Mavlonova 2022; Wang 2021];

2) помимо средств вербализации родной культуры, язык вырабатывает и аппарат для описания внешних культур — ксенонимы. Введение ксенонимов в язык описания является непременным следствием культурной переориентации языка, но их концентрация варьируется в зависимости от культурной и лингвотипологической дистанции [Белоглазова и др. 2024] и степени «межъязыковой асимметрии» [Витошнова 2024] между контактирующими лингвокультурами;

3) представляя собой, фактически, особую разновидность перевода [Кабакчи 2000], культурная переориентация языка осуществляется широким спектром переводческих приемов, варьирующихся по двум основным параметрам — доступности и точности. При отмеченной вариативности постулируется предпочтительность

точных способов введения ксенонимов, гарантирующих их уверенную обратимость. Эта особенность сближает иноязычное описание культуры с этнопереводом [Разумовская 2024] и нативизацией языка [Каменева 2025; Прошина 2022; Чемодурова 2024].

3. Эмпирический базис и методы исследования

Материал для исследования состоит из двух авторских корпусов, специально скомпилированных для целей настоящего исследования, в которых представлены контрастные типы текстов руссоцентрического дискурса (см. табл. 1).

Таблица 1

Эмпирический материал исследования

Корпус	Rossica-T	Rossica-travel
описание	корпус заголовков англоязычных аутентичных публицистических и научно-популярных книг о России	корпус англоязычных аутентичных травелогов, собранный из интернет-блогов англофонных путешественников по России
решаемые задачи	расширение охвата текстов; выявление доминантных мотивов, характеризующих дискурс; выявление специфики функционирования ксенонимов в ограниченном контексте	выявление дискурсивных механизмов введения ксенонимов; экспозиция структурных и прагмастилистических особенностей построения текстов экзокультурной ориентации
объем	500 заголовков 4,2 тыс. слов	12 травелогов 21 тыс. слов

4. Результаты исследования

Кратко охарактеризуем средства введения русского лингвокультурного контекста в сопоставляемых типах текста.

4.1. Маркеры руссоцентрического дискурса, характерные для жанра заголовка

Рассмотрим русский лингвокультурный контекст в корпусе заголовков.

Таблица 2

Способы введения ксенонимов-русизмов в Rossica-T

Способ введения /частота	Транслитерация	(Полу) калька	Описательный оборот	Аналог
(А) реалии	120	10	1	1
(Б) антропонимы	95	32		16
(В) топонимы	33 (+77 аппроксимантов)	28		

Ксенонимы-реалии представлены в 28 % заголовков в корпусе, являясь одним из важнейших маркеров дискурса. Как можно видеть по выборке (табл. 2, часть А), предпочтительным приемом, используемым для их введения, является транслитерация, отличающаяся высокой степенью ксенонимической точности при низкой доступности. Реже представлен прием калькирования, основанный на воспроизводстве внутренней формы заимствуемого культуронима. Описательный способ передачи и замена на инокультурный аналог представлены единичными примерами.

Русизмы-антропонимы (табл. 2, часть Б) представлены в 30 % заголовков в корпусе. В передаче этой категории русизмов также преобладает транслитерация. Выступая «маркерами культуры» [Nord 2003], имена собственные являются краеугольным камнем иноязычного описания России, но, в свете их объективной сложности для иноязычного читателя, авторы стремятся облегчить их восприятие, заменяя русские имена на их более привычные аналоги или калькируя часть имен. Однако не всякое имя поддается калькированию. Так, до сих пор идет поиск оптимального способа передачи антропонима «Иван Грозный», сохраняющего дезориентирующую вариативность (Ivan the Terrible /John "The Terrible" /the Terrible /Ivan the Cruel).

Сходные тенденции наблюдаются и при введении в описание русизмов-топонимов (табл. 2, часть В), где также доминирует прием формальной транслитерации. Однако налицо и стремление к упрощению, проявляющееся в аппроксимации русизмов (e.g. *Siberia* вместо *Sibir*) или применении компромиссного приема калькирования.

Помимо отмеченных выше типов ксенонимов, относимых к материальному аспекту описываемой культуры, обращают на себя внимание отсылки к вербальной культуре, а именно к прецедентным текстам (e.g. *Tsar of War and Peace*), фигурам речи (e.g. *The Cardinal of the Kremlin*) и дискурсивным клише (e.g. *In the Name of the Czar).*

4.2. Маркеры руссоцентрического дискурса, характерные для жанра травелога

Теперь обратимся к анализу приемов, с помощью которых русский лингвокультурный контекст вводится в жанр травелога (см. табл. 3).

Как можно видеть, авторы травелогов задействуют богатый репертуар приемов введения русизмов, при преобладании формальных способов.

Значительным разнообразием отличаются также содержательно-референциальные типы русизмов. Наивысшую концентрацию демонстрируют топонимы, что обусловлено туристической тематикой текстов.

Таблица 3

Способы введения ксенонимов-русизмов в Rossica-Travel

Способ введения	Трансплантация	Транслитерация	Калька	Аналог	Описательный оборот
частота	12	115	32	8	5
примеры	окрошка	babushka, -i	City Day	cantine-like	Russian dolls

Второй по частотности категорией русизмов являются ксенонимы-реалии, описывающие различные аспекты материальной культуры (*venik*), традиций (*parenie*), быта (*communal kitchen*) России.

На третьем месте по частотности находятся антропонимы, которые можно категоризировать на две четко очерченные группы: прецедентные (*Mendeleev*) и рядовые (*Yuri*).

Остальные представленные категории ксенонимов носят не массовый характер, но можно отметить представленность интертекстуальных отсылок (*Kremlin — a walled City of Oz*), культуроспецифических метафор (*playing gastronomic roulette*) и идиом ("*there are no epaulettes in the banya*"), а также дискурсивных оборотов ("*k Chortu*").

5. Интерпретация результатов исследования

5.1. Сопоставительный анализ данных, полученных на основе жанрово контрастных корпусов текстов руссоцентрического дискурса

Сопоставим данные, полученные на основе двух анализируемых корпусов текстов.

Во-первых, сравнение способов введения русского лингвокультурного контекста в англоязычный дискурс (табл. 4) позволяет констатировать общую для них кодовую гибридность, а также предпочтение, отдаваемое приему транслитерации.

Таблица 4

Частотность формальных типов ксенонимов в жанрово контрастных корпусах

Способ введения	Трансплантация	Транслитерация	Калька	Аналог	Описательный оборот
частотность в Rossica-Travel	0,0006	0,0055	0,0015	0,0004	0,0002
частотность в Rossica-T	0	0,0286	0,0024	0,0002	0,0002

Среди контрастных черт отметим большее разнообразие используемых способов внутреннего перевода русизмов в корпусе травелогов и различие в частотности выявленных типов ксенонимов,

свидетельствующее о том, что заголовки отличаются более высокой степенью лингвокультурной гибридизации и большей форенизацией дискурса.

Концентрация ксенонимов в корпусе заголовков выше почти в 3 раза, и общая доля русизмов в этом типе текстов достигает почти 14 % по сравнению с 5 % в корпусе травелогов.

5.2. Реконструкция стратегии описания внешней культуры в экзокультуроцентрическом дискурсе

Отмеченные в 5.1. особенности анализируемого дискурса при его предельно широкой адресованности остро ставят проблему достижения баланса точности и доступности описания экзокультуры. Анализ показывает, что в разных типах текста эта задача решается по-разному.

В заголовках непрозрачность способа заимствования может отчасти нивелироваться отбором базовых ксенонимов. Выборка содержит некоторые из старейших русизмов английского языка — *czar* (16 в.), *boyar* (16 в.), *knout* (17 в.), *steppe* (17 в.), *Kremlin* (17 в.).

В травелогах также задействуются базовые русизмы (*babushka, tsarina*, etc.), однако, стремясь удивить своих читателей, расширить их когнитивный горизонт, авторы расширяют и сложившийся словарь. Обогащая повествование новыми культуроспецифическими средствами, авторы выстраивают вокруг них насыщенный семантизирующий контекст, используя широкий диапазон приемов:

- Дублирующая калька или описательный оборот: *sapsan (Russia's high-speed train)*
- Аналогия с более знакомой культурой: *banya, which is much like a sauna but way hotter.*
- Поясняющий гипероним: *Russian pies (kurnik, vatrushka, kulebyaka)*
- Лингвистический комментарий: *The name окрошка comes from verb 'крошить', that means to chop very finely;*
- Введение серии взаимодополняющих и взаимопоясняющих ксенонимов: *banya, banschik.*

В некоторых случаях комплексная стратегия введения ксенонима включает и более двух приемов: *A stolovaya, столовая in Russian, is a cafeteria-style diner,* где транслитерация дополняется трансплантацией и описательным оборотом.

Таким образом, разные типы текстов демонстрируют общую черту — введение инолингвокультурного контекста, но тяготеют при этом к разным стратегиям: отбор базовых ксенонимов и стереотипных отсылок к русской культуре vs введение специальных и окказиональных русизмов в семантизирующем комплексе.

Существенно также отметить различия в смысловой и функциональной нагрузке ксенонимов в сопоставляемых типах дискурса. Вводимые наиболее непрозрачным образом, лишенные поясняющего контекста, небазовые ксенонимы в заголовках концептуализируются предельно обобщенно как «русский / Российский / связанный с Россией»; в ряде случаев они служат даже намеренному затемнению смысла, отчасти выполняя роль фильтра «своего» адресата, отчасти интригуя читателя загадкой. Так, заголовок "*Sam Golod*" может быть декодирован лишь читателем, владеющим русским языком, для большинства читателей воплощая метафорически идею тайного и сокрытого — ту же идею, что эксплицирует "*The Red Code*". Аналогичным образом мы интерпретируем и высокую частотность в заголовках ксенонимов-метафор и ксенонимов-интертекстем. Так, авторы "*The Icon and the Axe*" и "*Natasha's Dance*" кодируют ключевые, с их точки зрения, составляющие русской культуры концептуальными метафорами, отсылающими к реалиям и текстам описываемой культуры, однако подразумеваемый принцип взаимодействия когнитивных пространств в этих метафорах остается сокрытым. В то же время в развернутых текстах травелогов ксенонимы целенаправленно вводятся как носители ключевой когнитивной информации, семантизируются контекстом, взаимно поясняют друг друга, приближаясь функционально к терминам.

Еще одним значимым контрастом является отбор ксенонимов, которые выступают репрезентантами описываемой культуры (табл. 5).

Таблица 5

Частота референциальных типов ксенонимов в жанрово контрастных корпусах

Тип ксенонима	Антропоним	Топоним	Реалия	Метафора	Интертекстема
Частота в Rossica-Travel	45	356	190	16	9
Частота в Rossica-T	143	138	122	108	20

При том, что все основные референциальные типы ксенонимов представлены в обоих типах текстов, их удельный вес разительно разнится.

В травелогах доминируют топонимы, причем примечательна широта территориального охвата (от *Kaliningrad* до *Vladivostok*), а также охвата типов топонимов: урбанонимы (*Red Square*), ойконимы (*Vladivostok*), оронимы (*Urals*), гидронимы (*the Neva*), дромонимы

(*Trans-Siberian Railway*), хоронимы (*Siberia*). В то же время заголовки преимущественно фокусируют три наиболее известных и мифологизированных локуса, метонимически репрезентирующих Россию: *Siberia* (14); *Moscow* (11) + *Kremlin* (6); *Leningrad* (6) + *Petersburg* (4) + *Neva*.

Если говорить о «России в лицах», то травелоги расширяют ряд представителей за счет реальных людей, с которыми сталкивались путешественники, но в целом антропонимы не являются центральными для этого жанра, поскольку главным действующим лицом в нем должен быть сам путешественник. Для заголовков же имена выдающихся представителей описываемой страны предстают как доминантный маркер дискурса и типа текста. Среди них однозначно доминируют имена политических деятелей, возглавлявших страну и метонимически репрезентирующих Россию в тот или иной период: *Peter (the Great), Catherine (the Great), Ivan (the Terrible, the Cruel, the Dread), Nicholas, Lenin, Gorbachev, Stalin (+ Koba), Putin* и др. Также заметное место занимают отсылки к представителям культуры (*Roerich, Herzen, Chekhov, Bakhtin, Pushkin, Dostoevsky, Tolstoy*) и мира литературы (*Zhivago, Natasha*).

Заголовки также отличают уже отмеченные выше культурно маркированные метафоры и интертекстуальные отсылки, лишь минимально представленные в травелогах. Так, лишь две интертекстемы в путевых заметках отсылают к литературным предтекстам, остальные из и так очень небольшого пула употреблений представляют собой заимствованные дискурсивные обороты, характеризующие русскую речевую культуру (e.g. "*ni pukha ni pera*").

6. Заключение

В завершение попытаемся сформулировать ответы на вопросы, обозначенные нами в начале статьи.

Во-первых, мы отметили активный процесс заимствования, причем выходящий за рамки лексического уровня: заимствованию подвергаются слова, дискурсивные клише, прецедентные тексты, а также когнитивные структуры, лежащие в основе культуроспецифических метафор и фразеологизмов. Все эти выразительные средства внедряются в экзокультуроцентрический дискурс и составляют его своеобразие. При этом, если авторы заголовков в большей степени ориентируются на уже вошедшие в дискурс ксенонимы, авторы травелогов расширяют репертуар русизмов за счет окказиональных ситуативно обусловленных средств.

Также отметим, что анализ ксенонимов в руссоцентрическом дискурсе выявил неоднородность этой категории в еще одном измерении. Соприсутствие *borshch* и *airan, bazaar, yurt* отражает ги-

бридность референтной культуры, которая впитала в себя элементы других экзокультур.

Реконструкция референтной культуры строится на отборе опорных культурных реалий или персоналий, причем отбор репрезентантов является как дискурсивно-, так и жанрово-специфической чертой: часть репрезентантов, коррелирующих со стереотипами об описываемой культуре, выступают маркерами руссоцентрического дискурса и диктуются им как обязательные к воспроизведению (мифологизированные фигуры, локусы, реалии); часть носит характер новаций, но выполняют в сопоставляемых типах текстов разные функции: интригуют и привлекают внимание в заголовках и привносят новую когнитивную информацию в травелогах.

Таким образом, сформировавшийся в англофонной среде за века англо-русских контактов руссоцентрический дискурс, с одной стороны, безусловно, опирается на стереотипы и служит для их воспроизводства и укоренения; но в то же время не замкнут в них. Мы отметили открытость дискурса для новых ксенонимов и гибкость в выстраивании стратегии их семантизации, лежащие в основе множественности конструируемых дискурсом моделей референтной культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белоглазова Е.В., Сосункевич В.О.* Образ России в зеркале японоязычных кинорецензий // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2025. Т. 22 (1). С. 132–137.
2. *Белоглазова Е.В., Осьмак Н.А., Шувалова Е.К.* Формальные маркеры и содержательные доминанты руссоцентрического дискурса: кросс-языковое корпусное исследование // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 22 (1). С. 105–119.
3. *Бутусова А.С.* Переводческий анализ использования русских ксенонимов в немецком языке // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica. 2024. Т. 20. № 2 (64). С. 94–107.
4. *Витошнова А.М.* Следы родной лингвокультуры в произведениях транслингвальных авторов // Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 2 (119). С. 19–33.
5. *Кабакчи В.В.* Неисследованный вид переводческой деятельности: «Внутренний перевод» // Studia Linguistica 9. Когнитивно-прагматические и художественные функции языка. СПб., 2000. С. 65–75.
6. *Кабакчи В.В.* Функциональный дуализм языка и языковая конвергенция // Когнитивная лингвистика: ментальные основы и языковая реализация. СПб, 2005. С. 164–175.
7. *Каменева А.Д.* Транслингвальная литература: контакт лингвокультур // Когнитивные исследования языка. 2025. № 1-1 (62). С. 678–681.
8. *Осьмак Н.А.* Образ Сибири в современном финноязычном новостном дискурсе // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Т. 18 (1). С. 21–33.

9. *Прошина З.Г.* Лингвоконтактология: современные проблемы и перспективы // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 4. С. 73–88.
10. *Разумовская В.А.* Этнопереводоведение: интегративная область сибиреведения, культурологии и науки о переводе // Традиции института народов Севера: язык, фольклор, история и литература. СПб., 2024. С. 197–205.
11. *Чемодурова З.М.* Механизмы выражения транскультурной авторской модальности в транслингвальной литературе XX–XXI веков // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 92. С. 133–158.
12. *Ярцева В.Н.* Теория взаимодействия языков и работа У. Вайнрайха «Языковые контакты» // Вайнрайх У. Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования. К., 1979. С. 5–12.
13. *Bailey R.W.* English at Its Twilight // The State of the Language. L., 1990. P. 83–94.
14. *Mavlonova N.A., Sodiqova Y.F., Khamrayeva Z.K.* Principles for determining the categories of proximity of the Russian language to Uzbek in the field of phraseology // International Journal of Health Sciences. 2022. 6(S5). P. 1414–1419.
15. *Nord C.* Proper names in translations for children: Alice in Wonderland as a case in point // Meta. 2003. Vol. 48 (1–2). P. 182–196.
16. *Wang Y.* Xenonym "laobaixing" in Online Diaspora Discourse // Филологические науки. Вопросы теории и практики 2021. Т. 14 (9). С. 2668–2672.

REFERENCES

1. Bailey R.W. English at Its Twilight. *The State of the Language*. London: Faber, 1990. P. 83–94.
2. Beloglazova E.V., Osmak N.A., Shuvalova E.K. Formalnye markery i soderzhatelnye dominanti russotsentricheskogo diskursa: kross-yazykovoe corpusnoe issledovanie [Formal markers and key dominants of Russocentric discourse: a cross-linguistic corpus study]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya [Herald of Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication]*. 2024. 22, 1. P. 105–119. (In Russ.)
3. Beloglazova E.V., Sosunkevich V.O. Obraz Rossii v zerkale yaponoyazychnykh kinoretsenziy [Image of Russia in the mirror of Japanese-language film reviews]. *Sotsialnye i gumanitarnye nauki na Dalnem Vostoke [Social and Humanitarian Sciences in the Far East]*. 2025. 22, 1. P. 132–137. (In Russ.)
4. Butusova A.S. Perevodcheskii analiz ispolzovaniya russkikh ksenonimov v nemetskom yazyke [Translation analysis of Russian xenonyms in German]. *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. 2024. 20, 2 (64). P. 94–107. (In Russ.)
5. Chemodurova Z.M. Mekhanizmy vyrazheniya transkulturnoi avtorskon modalyasti v translingvalnoi literature XX–XXI vekov [Mechanisms for expressing transcultural authorial modality in translingual literature of the 20th–21st centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya [Tomsk State University Herald. Philology]*. 2024. 92. P. 133–158. (In Russ.)
6. Kabakchi V.V. Funktsionalnyi dualizm yazyka i yazykovaya konvergentsiya [Functional dualism of language and language convergence]. *Kognitivnaya lingvistika: mentalnye osnovy i yazykovaya realizatsiya. [Cognitive Linguistics: Mental Foundations and Language Implementation]*. St. Petersburg: Trigon, 2005. P. 164–175. (In Russ.)
7. Kabakchi V.V. Neissledovannyi vid perevodcheskoi deyatelnosti: "Vnutrennii perevod" [An unexplored type of translation activity: "Intralingual translation"]. Studia Linguistica 9. St. Petersburg: Trigon, 2000. P. 65–75. (In Russ.)

8. Kameneva A.D. Translingvalnaya literatura: kontakt lingvokultur [Translingual literature: contact of linguacultures]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka [Cognitive Studies of Language]*. 2025. 1-1 (62). P. 678–681. (In Russ.)
9. Mavlonova N.A., Sodiqova Y.F., Khamrayeva Z.K. Principles for determining the categories of proximity of the Russian language to Uzbek in the field of phraseology: Identification of interlingual phraseological accordance. *International Journal of Health Sciences*. 2022. 6 (S5). P. 1414–1419.
10. Nord C. Proper names in translations for children: Alice in Wonderland as a case in point. *Meta*. 2003. 48 (1-2). P. 182–196.
11. Osmak N.A. Obraz Sibiri v sovremennom finnoiazychnom novostnom diskurse [Image of Siberia in contemporary Finnish-language news discourse]. *Zhurnal Sibirskogo federalnogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Journal of Siberian Federal University. Series: Humanities]*. 2025. 18, 1. P. 21–33. (In Russ.)
12. Proshina Z.G. Lingvokontaktologiya: sovremennye problemy i perspektivy [Linguistic Contactology: Current Problems and Prospects]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya* 19: *Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya [Moscow University Herald. Series* 19: *Linguistics and Intercultural Communication]*. 2022. 4. P. 73–88. (In Russ.)
13. Razumovskaya V.A. Etnoperevodovedenie: integrativnaya oblast sibirevedeniya, kulturologii i nauki o perevode [Ethnotranslation studies: integrative area of Siberian studies, cultural studies and translation studies]. *Traditsii instituta narodov Severa: yazyk, fol'klor, istoriya i literatura [Traditions of the Institute of the Peoples of the North: Language, folklore, history and literature]*. St.Petersburg: RGPU im. A.I. Gertsena, 2024. P. 197–205. (In Russ.)
14. Vitoshnova A.M. Sledy rodnoi lingvokultury v proizvedeniyakh translingvalnykh avtorov [Traces of native linguaculture in works of translingual authors]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta [Cherepovets State University Herald]*. 2024. 2 (119). P. 19–33. (In Russ.)
15. Wang Y. Xenonym "laobaixing" in Online Diaspora Discourse. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*]. 2021. 14, 9. P. 2668–2672.
16. Yartseva V.N. Teoriya vzaimodeistviya yazykov i rabota U. Vainraikha "Yazykovye kontakty" [Theory of language interaction and U. Weinreich's work "Language Contacts"]. Vainraikh U. *Yazykovye kontakty: Sostoyanie i problemy issledovaniya* [Weinreich U. *Language Contacts: State and Problems of Research*]. Kiev : Vysha shkola, 1979. P. 5–12. (In Russ.)

Поступила в редакцию 15.11.2025
Отредактирована 28.04.2026
Принята к публикации 31.08.2026

Received 15.11.2025
Revised 28.04.2026
Accepted 31.08.2026

ОБ АВТОРЕ

Елена Владимировна Белоглазова — д.ф.н., доцент, профессор кафедры английского языка и лингвострановедения РГПУ им. А.И. Герцена; raemahet@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Beloglazova — Prof. Dr., Department of English Language and Culture Studies, Herzen State Pedagogical University; raemahet@gmail.com